

C.P. Masica (ed.). Old and new perspectives on South Asian languages: Grammar and semantics. Papers growing out of the fifth International conference on South Asian linguistics (ICOSAL-5), held at Moscow, Russia, in July 2003. – Delhi: Motilal Banarsidass, 2007. 357 p. (MLBD series in linguistics; v. 16)

Книга «Старый и новый взгляд на языки Южной Азии: грамматика и семантика» является примечательным собранием исследований по языкам Южной Азии, выполненных учеными из шести стран – Индии, России, США, Канады, Франции и Германии. Все четыре основные языковые семьи Южной Азии (индоарийская, дравидийская, австроазиатская и тибето-бирманская) представлены в материалах статей.

Хотя сборник этот создан на основе докладов, представленных на Пятой международной конференции по языкам Южной Азии (Fifth international conference on South Asian linguistics, ICOSAL-5), проведенной в Москве в июле 2003 г., его содержание существенно отличается от программы конференции. В сборник вошли не все доклады, представленные на конференции, и, напротив, включены статьи Дж. Петерсона и Т.И. Оранской, в конференции не участвовавших. Кроме того, все доклады были в значительной степени переработаны и расширены авторами.

Так же, как и сам Южноазиатский регион демонстрирует сложную социолингвистическую ситуацию смещения множества языков с

разной генетической принадлежностью и типологическими чертами, так и сборник, посвященный этим языкам, представляет собой весьма пеструю картину. Статьи объединены ареалом, но не теоретическими рамками. Так, исследование К. Вали и О. Коула, написанное в рамках минималистского подхода порождающей грамматики Хомского, соседствует со статьей Б.А. Захарьина, адаптирующего понятия грамматики Панини к описанию современного хинди. Тематический разброс также велик: затрагиваются вопросы морфологии, синтаксиса, семантики и ареальной типологии языков данного региона. Тем не менее, сборник производит впечатление цельного труда, написанного в едином формате, а не просто нескольких статей, произвольно собранных вместе. Это можно объяснить вкладом редактора сборника К. Масики, проведшего значительную унификацию столь разных работ. К недостаткам сборника можно отнести лишь непоследовательность применения глоссирования и отсутствие для глоссирования единого формата иногда даже в рамках одной статьи, что может затруднить понимание материала для неспециалистов.

В сборник вошли 15 статей, распределенных по трем тематическим разделам: 1) историко-этимологические, 2) ареальные и типологические, 3) описания конкретных языков. Разделение это довольно условно, большая часть статей первого и третьего разделов также включает в себя типологические параллели.

Статья В. Бубеника «Об эволюции системы падежей и послелогов в средних и новых индоарийских языках (с использованием материала европейских диалектов цыганского языка)» даст диахроническую перспективу разрушения падежной системы средних индоарийских языков. На материале анабхранша исследуется функционирование адвербиальных элементов в качестве предлогов/послелогов и постепенное сокращение использования синтетических форм, унаследованных из индоарийских языков древнего и среднего периодов. Четыре падежа поздних средних индоарийских языков были реинтерпретированы в новых индоарийских языках следующим образом: NOM/ACC > прямой падеж, GEN/DAT/ABL > косвенный падеж, INSTR > относительные послелог, LOC > локативные послелог. Более подробно это явление рассматривается на примере способов выражения начальной точки движения, локализации и инструмента. Особое внимание в статье уделяется европейским диалектам цыганского языка. Они отличаются от других новых индоарийских языков тем, что индоарийские вторичные послелог реализуются в них как предлоги. Это отличие типологически соответствует базовому порядку слов в европейских цыганских диалектах, сменивших типичную индоарийскую структуру SOV на SVO.

Статья Т.И. Оранской «Слова со значением 'страх' в индоарийских языках» будет интересна всем лингвистам, занимающимся языковой картиной мира и концептуализацией эмоций в языке. Как показала автор, большинство слов индоарийских (а также в ряде других индоевропейских языков), выражающих чувство страха, генетически связаны с концептом 'дрожать'. Это можно проследить как по ономотопозитической фонетической форме, обычно характеризующейся сочетанием взрывного дентального с флэпом или дрожащим, так и в общих семантических чертах. Концепт 'дрожать' семантически и в некоторых случаях этимологически относится к концептам 'бить', 'ударять' и 'раскалывать'. Концепты 'страх' и 'радость' могут выражаться одними и теми же лексическими средствами. Слова, выражающие концепты 'страх' и 'радость', – это базовые описания типичных соматических реакций живых существ на сильные неожиданные эмоции.

В чрезвычайно подробной и обстоятельной статье А.А. Сигорского «Падеж, расщепленная номинативность, расщепленная эргативность и расщепленная аккузативность в хинди: историческая перспектива» предлагается типология эргативности в новых индоарийских языках, в частности, в хинди (включая диалекты и литературный язык), описываются явления расщепленной эргативности, номинативности и аккузативности, рассматривается эволюция эргативной конструкции в хинди. В конце среднеиндоарийского периода в результате разрушения падежной системы эргативная конструкция приняла вид «субъект в косвенном или объектном падеже + транзитивный глагол совершенного вида». Такая конструкция обычна не только для некоторых северных новых индоарийских языков, но также и для некоторых иранских. Однако поскольку косвенный падеж не всегда формально отличим от номинатива, эргативная конструкция стала смешиваться с номинативной. Для языков хинди было два пути: переход в номинативный тип или восстановление различия эргативной и номинативной стратегии. Восточные диалекты хинди выбрали первый путь, а западные – второй. Эргативная стратегия стала нормой в стандартном хинди и в его западных диалектах, так же как в западных и южных новых индоарийских языках. В статье вводится понятие «мегападеж» – падеж, в котором комбинируются два простых падежа в отношении дополнительной дистрибуции. В хинди выделяется два мегападежа – структурный AGENT (номинатив и эргатив) и структурно-семантический ACC (номинатив в качестве неопределенного прямого дополнения и датив в функции аккузатива, маркирующий определенное прямое дополнение).

Х. Хок в статье «Южная Азия и тюркские языки: центральноазиатские связи?» указывает, что особенности, которые характеризуют Южноазиатский ареал, имеются и в турецком, и в других тюркских языках: типологические черты причастий, инфинитивов, отглагольных имен, конвербов и др. Кроме того, есть специфические явления, такие как редупликация целого слова и эхо-редупликация, которые также характерны и для языков Южной Азии, и для тюркских. Как показывает автор, для объяснения последних явлений недостаточно предположения, что эти сходства отражают параллельное развитие типологически сходных структур личного глагола. Автор предлагает в статье аргументы в пользу гипотезы, что сходства отражают интенсивный контакт носителей индоарийского пракрита гандхари или пракрита из Нийи, восточно-иранского согдийского или сакского, классического тибетского,

тохарского и древнетюркского языков в центральноазиатском оазисе в начале первого тысячелетия нашей эры.

В фокусе внимания интересной и содержательной статьи Л.В. Хохловой и С. Сингха «Результативные конструкции с выраженным агенсом/посессором в хинди-урду и западных новоиндоарийских языках» – общие и различные черты результативных конструкций с выраженным агенсом/посессором в четырех языках: хинди-урду, панджаби, гуджарати и марвари. В статье рассматриваются три вида результативных конструкций: 1) конструкция, обозначающая результирующее состояние субъекта; 2) конструкция, обозначающая результирующее состояние объекта и 3) результативная конструкция с выраженным агенсом/посессором, которая предполагает второго участника ситуации. Обсуждаются основные модели падежного маркирования и глагольного согласования в конструкциях первых двух типов и семантические ограничения на их употребление. Третий тип результативных конструкций встречается только в панджаби и употребляется в основном в разговорной речи. Эти конструкции схожи по форме и значению с русскими конструкциями типа *У Маши квартира убрана*. Авторы выделяют три разновидности таких конструкций.

Х. Лян и П. Хук в статье «Сложный глагол в китайском и хинди-урду и реальность индо-турского языкового ареала» подробно обсуждают формальные и функциональные сходства и различия сложных глаголов в китайском языке и хинди-урду. Делается вывод, что китайский сложный глагол, состоящий из последовательности двух глаголов, менее продуктивен и регулярен по сравнению с хинди-урду; кроме того, у них совершенно разный синтаксис и семантика. Таким образом, делается вывод о том, что по критерию наличия сложных глаголов нет достаточных оснований для того, чтобы включать китайский язык в «индо-турской» ареал, как это сделано в [Masica 2001], и что, напротив, лингвистическая карта, предложенная в [Masica 1976], где Восточная и Юго-Восточная Азия рассматриваются отдельно от Южной, Центральной и Северо-Восточной Азии с точки зрения наличия конструкций из двух глаголов, в большей степени типологически и географически обоснована.

В статье В.П. Липеровского «Заметки о маркировании актантов в языке брадж (в сравнении с современным стандартным хинди)» рассматриваются пять базовых видов конструкций с финитным глаголом: активно-субъектная, активно-объектная, активно-нейтральная, неактивно-объектная, неактивно-нейтральная. Эти конструкции анализируются с

точки зрения глагольного залога (активный/пассивный) и согласования или отсутствия согласования глагола с одним из актантов. Особое внимание автор уделяет специфическим свойствам этих конструкций в брадже.

К. Суббарао в статье «Устранение многозначности в языках Южной Азии» демонстрирует, что во всех языках Южной Азии существуют очень похожие способы устранения потенциальной многозначности в дискурсе. Показано, что употребление частиц или глагольных клитик, процесс копирования вершины и наличие *vs.* отсутствие редуплицированных форм являются механизмами, обеспечивающими снятие неоднозначности и более легкую расшифровку информации. Также объясняется, почему употребление некоторых частиц облегчает восприятие информации говорящим, в то время как других – нет. В статье показано, что хотя способ снятия многозначности кажется на первый взгляд явлением, специфическим для каждого языка, некоторые способы являются общими по крайней мере для языков Южной Азии.

Ж.-Л. Шевийар в статье «Синтаксическая двойственность в классической тамильской поэзии», изучая синтаксис корпуса классической тамильской поэзии, задается отчасти философскими вопросами – является ли поэтический язык языком в полном смысле этого слова? Может ли поэт «изобрести» новый язык, отличный от его родного? И как лингвисты должны к этому относиться?

В статье А. Дэвисон «Иерархическая структура и линейный порядок: коррелятивные конструкции в хинди-урду» сравниваются финитные релятивные конструкции в раннем санскрите и в хинди/урду. Относительные придаточные в хинди/урду сохранили много синтаксических свойств старых конструкций, но с более четким разделением относительных и коррелятивных придаточных. Весьма подробно исследуются разные типы относительных придаточных, сравнивается линейный порядок главного и придаточного предложений в санскрите и в хинди, рассматривается положение в относительных конструкциях топика и фокуса высказывания (топик слева, фокус справа) и т.д.

Редактор сборника К. Масика в своем исследовании «Подлежащие в постглагольной позиции в телугу и других языках» показывает, что изменение порядка слов является плодотворным параметром для исследования дискурсивно-маркированных структур. И стилистические факторы, и механизмы дискурсивного маркирования не являются одинаковыми для всех языков со свободным порядком слов, но отличаются для разных типов порядка слов. Особое значение имеет каноническая позиция

глагола и фокуса высказывания, но также и другие, пока еще не вполне ясные, факторы, противопоставляющие телугу и тамильский, с одной стороны, и хинди и гуджарати, с другой. Более того, некоторые механизмы дискурсивного маркирования (например, маркирование определенного объекта) встречаются как в индоарийских языках на севере Южной Азии, так и в тюркских языках, что, возможно, является результатом ареальных и исторических факторов. Что касается вариантов порядка слов, стилистических или прагматических, автор находит много общего между «жестким» порядком SOV дравидийских и тюркских языков.

Проблему выделения частей речи затрагивает Дж. Петерсон в статье «Языки без имен и глаголов? Альтернативная классификация лексем в кхария». Языки мунда известны тем, что в них очень слабо различаются имена и глаголы. По мнению автора, так же, как не во всех языках есть время или грамматический род, так не существует и логических оснований предполагать наличие во всех языках имен и глаголов. В статье показано, что хотя традиционное разделение на части речи в языке кхария возможно, однако гораздо более продуктивно выделить два класса элементов словаря – открытый (лексические морфемы) и закрытый (грамматические морфемы). При этом закрытый класс можно разделить на дальнейшие подклассы, а для открытого класса такое деление невозможно. Аргументация строится в основном на структурных аргументах, хотя семантические аспекты также приводятся, поскольку «имена» и «глаголы» – это грамматические категории. В кхария, однако, есть разделение на два грамматических класса – предикаты и их дополнения, которые выражают, соответственно, предикацию и референцию, однако разделение это отличается от традиционного деления на глаголы и имена, поскольку эти подклассы характеризуют не лексемы, а словосочетания.

Статья Д.В. Сичиной «Показатели прошедшего времени в сантали: типологически-ориентированный подход» является частью более широкого типологического исследования квазисинонимичных показателей прошедшего времени. В ней рассматриваются три показателя в языке сантали, относящиеся к плану прошедшего и их дополнительные, нетемпоральные функции: *-le-* (ирреальный маркер), *-ke-* (маркер прошедшего времени и модальности), *-tahēkan-* (универсальный «ретроспективизатор»). По крайней мере, два из трех показателей прошедшего времени в сантали (*-le-* и

-tahēkan-) не являются классическими видо-временными показателями: они оба имеют функцию сигнализации о разрыве между настоящим и будущим, а также связаны с категориями результата, временной дистанции и модальности.

К. Вали и О. Коул в статье «Двойное падежное оформление посессивной конструкции в кашмири: другой взгляд» сравнивают разные подходы к объяснению двойного падежного оформления посессора в кашмири. В исследовании излагаются преимущества анализа, предлагаемого авторами в рамках минималистской теории.

Завершается сборник статьей Б.А. Захарьина «‘LOPA’ Панини и нулевые аффиксы в современном стандартном хинди», в которой доказываются преимущества подхода Панини, адаптированного для современного хинди, для объяснения некоторых синтаксических явлений в этом языке.

В целом можно сказать, что этот сборник хорошо отражает современное состояние исследований в области языков Южной Азии. Его достоинством, кроме всего прочего, является то, что вошедшие в него статьи могут быть интересны не только специалистам по языкам данного ареала, но и широкому кругу читателей. Темы, затронутые в сборнике, являются весьма актуальными для современной типологии: отсутствие в языке четкого разделения на класс имен и глаголов, вопросы, связанные с эргативной и номинативной стратегией, проблемы падежного маркирования в различных конструкциях, порядок слов, лингвоспецифические концепты и др. В оглавлении книги при каждой статье указывается, на материал каких языков опирается данное исследование, что также очень удобно для читателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Masica 1976 – C.P. Masica. Defining a linguistic area: South Asia. Chicago, 1976.
Masica 2001 – C.P. Masica. The definition and significance of linguistic areas // P. Bhaskararao, K.V. Subbarao (eds.). South Asia yearbook 2001: Papers from the symposium on South Asian languages: contact, convergence and typology. Delhi, 2001.

Ю.В. Мазурова